

АЛЯ СЛУШАЛА

ДАРЬЯ МЕСРОПОВА

Родилась в 1990 году. Прозаик и критик. Студентка Литературного института имени Горького. Публиковалась в «Литературной газете» и журнале «Незнание».

Когда мама ругалась, она начинала говорить преувеличенно четко. Отрубала одно слово от другого, как мясник разделяет тушу. Мама говорила, что ей стыдно при встрече смотреть в глаза математичке Ольге Александровне, потому что Аля – балбеска. И тройку ей поставили из жалости, и в девятый класс перевели, потому что мама работает в продуктовом и иногда вычеркивает мелкие долги Ольги Александровны из тетрадки. А за недостачу, между прочим, с мамы спросят в конце месяца, и придется краснеть перед директором, а то и еще что похуже.

Когда мама боялась, она читала «Богородице Дево, радуйся...». Читала неровно, как будто захлебывалась, со вдохом выныривая на «благословенна». Молитва обычно помогала успокоиться, помогла и теперь. Уже мягче мама сказала, что если Аля продолжит носить тройки, то тоже окажется за прилавком занюханного продмага в таком же занюханном селе. «Помяни мое слово», – добавила. Аля слушала.

В гости к маме часто заходила соседка тетя Люся. По местным меркам она была богачка. Сдавала квартиру где-то на севере, получала большую пенсию и жила вместе с единственной дочкой Юлей, «старой девой», как мама ее называла. Юле было тридцать четыре.

С тетей Люсей мама становилась другой. Сидя за столом с чаем и конфетками, Аля с интересом на-

блюдала, как она лебезит, жалуется или кокетничает. Мнение тети Люси было определяющим: мама стриглась, как говорила тетя Люся, заправляла салат, как советовала тетя Люся, голосовала за КПРФ, как тетя Люся. Из разговора мамы с тетей Люсей Аля узнавала о себе. Она узнала, что ее папа женат, что мама мечтает, чтобы Аля поступила в Ставрополь, что она девка видная, фигуристая, хоть и глуповата, но это даже на пользу, мужики таких любят. Аля слушала.

У Али было много дел, помимо школы. Мама работала сутки через двое, в свободные дни брала мелкие шашки или отсыпалась. Аля готовила, убирала, ходила в магазин, полола и поливала огород, кормила кроликов, стирала. До уроков добиралась поздно и сидела над ними иногда до трех часов ночи. Но Аля не жаловалась. Ей нравилось оставаться дома одной, чувствовать себя хозяйкой. В домашнем одиночестве ей особенно нравилось, что можно беспрепятственно копать в шифоньере.

На его полках прятались потрясающие вещи: жестяная коробка с пуговицами, туалетная вода «на подарок», пакетик с лавандой от моли и самая потрясающая вещь из всех – мамино платье цвета «золотой песок». Заперев дверь, Аля наряжалась перед зеркалом и представляла, какой красивой она будет женщиной. Она будет носить это платье каждый день, а не как мама, ходить в вязаных кофтах. Она

будет красить длинные ногти красным лаком, а не как мама, стричь их до мяса. Она будет носить топик, открывающий пупок, а не как мама, поправлять спадающие с мягкого живота трусы. Единственное, что Аля хотела бы получить от мамы в наследство, – это платье «золотой песок». Один раз она забыла запереть входную дверь, и вошла тетя Люся. Соседка быстро оценила суету и попытку спрятать платье, сказала, что зайдет попозже. Мама выдрала клоч волос с Алиной головы.

Аля училась в девятом, когда мужчины стали подходить знакомиться. Некоторые пугались и уходили, когда видели детское лицо, другие оставались и задавали вопросы про возраст, предлагали проводить до дома. Аля не обращала внимания на интерес взрослых дядей, но обращала мама. Она не любила, когда незнакомые люди называли дочь красивой. Один раз тетка на почте обратилась к Але «девушка», мама сердито дернула дочь за руку и сказала: «Пошли отсюда».

После девятого Аля поступила в ставропольский педтехникум, жила в общежитии и часто ездила домой на выходные. Добиралась сначала на трамвае до вокзала, там садилась на электричку, потом от полустанка на маршрутке до поселка. В дороге читала Маринину. Аля любила вздутые и уютные обложки ее книжек. В очередной приезд домой мама сказала, что Аля, как идиотка, спускает стипендию на булки и кино, а лучше бы матери помогла. Мать одна, а дочь и не чешется. «Неблагодарная дрянь», – добавила. Аля начала отдавать большую половину стипендии матери и перестала покупать Маринину.

Потерять стипендию не хотелось, поэтому Аля училась постоянно: за обедом, в электричке, в гостях. В один из приездов домой мать долго смотрела на дочь с учебником, а потом начала рубить слова. Сказала, что она – идиотка, если надеется из своего техникума выскочить в люди, что зубрят только уродины, на которых никто и не посмотрит, что нормальный мужик ни за что не возьмет замуж ботанку. Пора мужика попробовать, и вообще нет ничего хуже поздних детей. Аля слушала.

Ее первым мужчиной стал однокурсник. Он был симпатичный, уверенный, профессионально занимался плаванием, учителя и родители ждали от него всего того, чего никогда не ждали от Али. В его присутствии она почти не ела, не могла сходиться в туалет, старалась сидеть так, чтобы ноги не расплывались мягкими складками. После того, как все произошло, они повстречались еще пару месяцев, а потом он на что-то обиделся и наговорил ей

гадостей. Сказал, что она ему вообще не нравилась, просто интересно было попробовать. Кстати, не в обиду, но грудь у нее какая-то жидкая, и вообще, не помешало бы похудеть килограмм на пять. Аля слушала.

Аля ехала к маме в переполненном тамбуре электрички. Поезд был пятничный – «дачный», набитый кряхтящими дачниками с сумками. Уже на подъезде к конечной вошел пьяненький мужичок и втерся в самую середину площадки. Мужичка тянуло поговорить, и он пристал к парню с вопросом, чем тот моет голову: «Хэдэндшолдерсом?» Парень хмыкнул и отошел. Двум девушкам пьяненький задорно подмигнул: «Девчонки, вы подружки? А возьмите-ка меня в игрушки!» В тамбуре послышались сдавленные смешки. Девушки поморщились и ушли стоять в вагон.

Пьяненький не успокаивался, раз почувствовав живое внимание зрителей. Его внимание привлек мужчина в очках, чей костюм приметно выделялся в толпе расхристанных дачников. Пьяненький подошел к мужчине, жестом показал, чтобы тот вытащил из уха наушник, и, оттопыривая карман своей пахучей куртки, показал шкалик. Мужчина стоял в недоумении несколько секунд, потом свернул наушники, убрал в карман и что-то достал из того же кармана. В одну секунду лицо пьяненького залила густая красная жижа. Он тряс головой, тер глаза и натужно мычал. Мужчина в очках тщательно вытер лезвие о полу своего пиджака, убрал складной нож обратно в карман и отошел к дверям. В тамбуре ничего не поменялось, только мычал и тряс головой изрезанный. Женщина рядом начала причитать шепотом: «Да что же это... Да что же это...» Дедок за ее спиной прошептал тихо, но все услышали: «Заткнись, дура». Электричка подошла к станции, народ завозился на выход.

Аля и мужчина с ножом вышли первыми, параллельно поставив ногу на платформу. Проезд с окровавленным пьяницей поехал дальше. До перехода они шли вместе, Аля и мужчина с ножом. Она подумала, что вот сейчас проще простого столкнуть его с края платформы под электричку на Ставрополь. Промахнуться невозможно, он расслаблен и не ожидает. Одно сильное толкательное движение – и живое тело утащит под железную морду электрички, потом глухой удар, остановка поезда.

Пока Аля следовала за женщиной и представляла себе траекторию падения, их обогнала женщина. Она ехала в том же тамбуре и все видела, но смолчала. Теперь, на облепленной людьми платформе, она преградила мужчине дорогу и стала укори-

ненно говорить, что он повел себя не по-христиански, что так делать нельзя. Мужчина неспешно закурил, выдохнул дымное облачко и устало ответил, что только так и можно. Женщина уронила прижатые к груди руки. Аля слушала.

Она замешкалась и упустила момент. Стало ясно, что с поездом уже точно не выйдет. Аля смотрела, как мужчина проходит через турникет, показывая удостоверение охраннику. Интересно, он фээсбэшник или, может, просто железнодорожник. Она шла за ним. Мужчина выбросил сигарету и зашел в супермаркет. Аля задержалась у входа, чтобы обдумать план действий. Толкнуть под колеса, когда он будет ждать сигнал светофора? А если на его пути нет светофора? И не то что светофора, а вообще дороги, ведь он может пойти дворами. Переход наверняка должен быть, но в переходе насмерть не убьешься. Столкнуть в открытый люк? Это еще надо постараться найти такой. Когда он неожиданно вышел с бутылкой пива, Аля растерялась и уставилась прямо на него. Мужчина смотрел сквозь очки совершенно непроницаемо, непонятно, узнал в ней соседку по вагону или нет. Сказал: «Пошли». Аля послушалась.

Она хотела бежать, но ноги не хотели. Он был сильнее. Сильнее мамы. Сильнее всех. Может быть, он поделится с ней этой силой.

Вместе дошли до подъезда. Мужчина приложил металлический ключ, широко распахнул для нее дверь. Молча поднялись на этаж. Весь путь до квартиры они не смотрели друг на друга. В квартире явно жила семья. И жена была, и дети. Но сейчас не было никого, только тупоносый кот лениво вышел поздороваться. Они вошли, разулись и прошли в зал. Мужчина принялся раскладывать диван. Аля засмушалась и якобы пошла мыть руки, на самом деле подмыться. Когда она вернулась, он уже сидел на постели без рубашки, на тумбочке аккуратно ждали очки. Аля вспомнила про нож. Наверняка он по-прежнему в кармане пиджака, висящего на спинке стула. Он посмотрел на нее в упор, неожиданно тепло улыбнулся и протянул руки. Шептал, что она красивая и печальная, что он всегда мечтал о таком приключении. Говорил, что она похожа на грустную принцессу из дочкиного мультика. Аля слушала.

На новогодние каникулы Аля поехала домой. Привезла маме в подарок серебряную иконку святого Николая Угодника, тете Люсе – шерстяную шаль, ее дочке – колготки. По такому торжественному случаю мама достала из закров баночку красной икры. Банка была пухлая, а икра горчила. Аля подумала, что она наверняка протухла, но мама невоз-

мутимо мазала бутерброды. Ночью Але стало плохо, но мама сказала, что это не из-за икры, икра хорошая, просто Аля залетела. Сказала, что сразу заметила округлившийся Алин зад и широкий нос. Мать несколько раз отрубилась слово «грязная» от слова «шлюха». Аля слушала.

Из общежития пришлось уехать и вернуться к маме насовсем. Дома совершенно ничего не изменилось, только все кролики передохли. Аля пошла работать в мамин продмаг в ночную смену. В ночную, чтобы не смущать директора. Мама сказала, что ему как мужчине будет неприятно видеть Алин беременный живот.

Аля работала с удовольствием. Правда, доставалось теперь и дома, и на работе. Мама за неизменным чаем с конфетами жаловалась тете Люсе, что Аля ничего не делает правильно, что она слишком мягкотелая и без конца отпускает в долг, что так дела не делаются и деньги так не зарабатываются. А еще она с каждым днем все толще и теперь уж точно никто на нее не позарится. Аля слушала.

Дочку назвала Валей. Аля и мама одинаково сияли. Мама всем говорила, что ребенок намоленный. В три месяца Валю крестили. По такому торжественному случаю Аля выпросила у мамы разрешения надеть «золотое» платье. Мама, немного поколебавшись, дала добро.

Немногочисленные знакомые и соседи собрались во дворике церкви в ожидании начала, всем было как-то весело и хорошо. Правда, ждать пришлось долго, они приехали сильно заранее. Аля устала стоять на каблуках и попыталась присесть на бордюр. От неловкого движения швы платья треснули по бокам мягкого Алиного живота. Мама сказала, что в таком виде идти в Божий храм нельзя и ей придется ждать на улице. Аля слушала.

Дома мама отчитала ее за неумение показаться на людях, неловкость и прочие «не». После паузы мама сказала, что решила отдать Валю соседке Юле. Отдать насовсем. С тетей Люсей они уже обо всем договорились. Официально все оформят потом, но отдать Валю надо прямо сейчас, пока соседки не передумали. У них водятся денюжки, они смогут хорошо о ней позаботиться, и, что самое главное, она будет расти в соседнем доме, Аля в любой момент может прийти к дочке. Получается все то же самое, только за чужой счет. Возражать тут нечего, это хорошее предложение, они должны быть благодарны тете Люсе за помощь и участие в судьбе Валюшки. И Але самой будет легче устроить жизнь. С прицепом-то небось никто не захочет взять. А там, если кого встретит, замуж выйдет, другую ляльку родит.

Только в браке, как положено, и заживет хорошо, даст Бог. Кстати, батюшка тоже дал добро, так что все решено. Аля вскинула отчаянные руки в направлении матери, но на последних словах они безвольно опали на колени. Аля слушала.

Новый год снова отмечали вместе с соседями. К праздничному столу, где уже ждали майонезные салаты в полиэтиленовых накидках, достали все ту же икру из маминых запасов и армянский коньяк. Юля принесла румяную с мороза Валю. Аля расцвела нежностью. Они не виделись почти месяц, потому что малышка приболела и Юля никого к ней не пускала. За это время Аля заметно осунулась. Нестерпимое желание трогать, обнимать и нюхать своего ребенка беспокоило ее тело. До болезни Аля приходила каждый день и приносила «гостинцы»: тряпичные самодельные куколки, расписную под хохлому ложку, банку с горохом – Вале нравился гороховый стук, – но потом этот проклятый вирус. Аля очень ждала Новый год.

Она протянула руки, чтобы взять Валю, но девочка на руки не пошла. Хныкала, морщила носик и крепко держалась за Юлину шею. За месяц карантина она все забыла. Тетя Люся сказала, что от Али, должно быть, пахнет спиртным, поэтому ребенок не идет к ней, и многозначительно посмотрела на маму. Аля слушала.

Она больше не пыталась взять ребенка. Молча носила тарелки и стулья, ни на кого не смотрела и как будто потеряла интерес ко всему происходящему. Остальные весело нарезали, украшали, приправляли и немного выпивали для настроения. Когда первая бутылка коньяка закончилась, мама послала Алю за второй в летнюю кухню. Аля пошла. Ее довольно долго не было, уже хотели отправить за ней Юлю, ведь новогоднее обращение президента должно было вот-вот начаться, как Аля вернулась без бутылки. Сказала, что не нашла. Мама всплеснула руками. Как можно не найти? Она сейчас сама пойдет и принесет, если только Аля ее не выжрала. Но тетя Люся сказала ей подождать, ведь сейчас будет обращение, его стоит послушать внимательно. К тому же есть шампанское. Мама зыркнула на Алю, но времени на разборки не было – Новый год начинался.

После праздничного ужина старшие женщины сели раскладывать пасьянс, Юля смотрела «Голубой огонек» и следила за спящей девочкой, Аля полезла в шифоньер. Платье «золотой песок» так и висело со вздутыми ранами швов. Аля больше его не любила, оно подвело. Она аккуратно доставала вещи по одной, рассматривала, гладила ладонью, стирая

тонкое напыление лет, и складывала в сумку. Туда же отправились документы из секретера. Юля заметила сборы и спросила, куда это она намылилась. На электричках, поди, не накаталась. Аля слушала.

Тетя Люся вышла на улицу покурить, но через секунду она вбежала с задыхающимся криком: «Горит! Кухня!» Все похватало одеяла и высыпали на улицу. Аля осталась сидеть. Выждав минуту, она набрала номер пожарной службы, сообщила, что на их участке горит постройка и что пламя непременно перекинется на дом. Назвала диспетчеру адрес и свою фамилию, объяснила, как проехать на улицу, потом торопливо одела Валю, несмотря на ее капризное сопротивление, и оделась сама.

Когда все было готово, Аля обернулась к иконе. Младенец Иисус прильнул к щеке Богоматери. Богоматерь прижимает сына, но не смотрит на него. Она смотрит вдаль и видит страдания, которые выпадут на Его долю. Вдаль, но не на своего сына. Почему Она не смотрит? Почему она никогда на меня не смотрит? Аля подвинулась так, чтобы глаза Богоматери упирались прямо в нее. Теперь она видит.

Аля перекрестилась, хлебнула напоследок чай, взяла Валю и сумку с документами. Когда она спустилась с крыльца, стена летней кухни дымилась, обшивка крыши задорно похрустывала. Мама выкрикивала усеченное «А-а», звала ее, но Аля уже не слушала.

